

Иван Тургенев

Встреча моя с Белинским

Иван Сергеевич Тургенев

Встреча моя с Белинским

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3006245*

Аннотация

Начиная с похвального отзыва о «Параше» в мае 1843 года и до статьи «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский постоянно следил за литературными выступлениями Тургенева и особенно приветствовал «Записки охотника», считая что в этом, жанре Тургенев нашел себя как художник. Вероятно, Тургенев был в числе тех немногих лиц, которые уже в 1847 году знали письмо Белинского к Гоголю. Он полностью разделял выраженную в этом письме ненависть к крепостничеству. В начале 1850 года Тургенев хотел напечатать в «Современнике» комедию «Студент», в которой упоминал о своем друге, великом революционере-демократе Белинском. Но комедия была запрещена цензурой и впоследствии переработана, получив название «Месяц в деревне».

Содержание

I	4
Примечания	15

Иван Сергеевич Тургенев

Встреча моя с Белинским

(Письма к Н. А. Основскому)

I

Я познакомился с Белинским в конце 1842 года, в С.-Петербурге¹. Он жил тогда в доме Лопатина, у Аничкова моста. Меня привел к нему наш общий знакомый З<иновьев>. Я много слышал о нем и очень желал познакомиться с ним, хотя некоторые его статьи, написанные им в предыдущем (1841) году, возбудили во мне недоумение². Я увидел человека небольшого роста, сутуловатого, с неправильным, но замечательным и оригинальным лицом, с нависшими на лоб белокурыми волосами и с тем суровым и беспокойным выражением, которое так часто встречается у застенчивых и одиноких людей; он заговорил и закашлял в одно и то же время, попросил нас сесть и сам торопливо сел на диване, бегая глазами по полу и перебирая табакерку в маленьких и красивых

---

¹ О знакомстве Тургенева с Белинским см. с. 672 наст. книги.

² Тургенев ошибочно датирует статьи конца 1839 г. – «Бородинская годовщина», «Очерки Бородинского сражения», «Менцель, критик Гете», в которых ярче всего выразились идеи «примирения».

ручках. Одет он был в старый, но опрятный байковый сюртук, и в комнате его замечались следы любви к чистоте и порядку. Беседа началась. Сначала Белинский говорил довольно много и скоро, но без одушевления, без улыбки, как-то криво приподнимая верхнюю губу, покрытую подстриженным усом; он выражался общими, принятыми в то время в литературном кругу, местами, отозвался с пренебрежением о двух-трех известных лицах и изданиях, о которых и упомянуть бы не стоило; но он понемногу оживился, поднял глаза, и все лицо его преобразилось. Прежнее суровое, почти болезненное выражение заменилось другим: открытым, оживленным и светлым; привлекательная улыбка заиграла на его губах и засветилась золотыми искорками в его голубых глазах, красоту которых я только тогда и заметил. Белинский сам навел речь на то настроение, под влиянием которого он написал свои прошлогодние статьи, особенно одну из них, и, с безжалостной, преувеличенной резкостью осудив их, как дело прошлое и темное, беззастенчиво высказал перелом, совершившийся в его убеждениях³. Я с намерением употребил слово: беззастенчиво. Белинский не ведал той ложной и мелкой щепетильности эгоистических натур, которые не в силах сознаться в том, что они ошиблись, потому что им их собственная непогрешимость и строгая последовательность поступков, часто основанные на отсутствии или бедности убеждений, дороже самой истины. Белинский был

---

³ Ср. «Былое и думы» Герцена, с. 146–147 наст. книги.

самолюбив, но себялюбия, но эгоизма в нем и следа не было; собственно себя он ставил ни во что: он, можно сказать, простодушно забывал о себе перед тем, что признавал за истину; он был живой человек – шел, падал, поднимался и опять шел вперед как живой человек. Спешу прибавить, что падал он только на пути умственного развития: других падений он не испытывал и испытать не мог, потому что нравственная чистота этого – как выражались его противники (где они теперь!) – «щиника» была поистине изумительна и трогательна; знали о ней только близкие его друзья, которым была доступна внутренность храма.

Белинский встал с дивана и начал расхаживать по комнате, понюхивая табачок, останавливаясь, громко смеясь каждому мало-мальски острому слову, своему и чужому. Должно сказать, что, собственно, блеску в его речах не было: он охотно повторял одни и те же шутки, не совсем даже замысловатые; но когда он был в ударе и умел сдерживать свои нервы (что ему не всегда удавалось: он иногда увлекался и кричал), не было возможно представить человека более красноречивого, в лучшем, в русском смысле этого слова: тут не было ни так называемых цветов, ни подготовленных эффектов, ни искусственного закипания, ни даже того опьянения собственным словом, которое иногда принимается и самим говорящим и слушателями за «настоящее дело»; это было неудержимое излияние нетерпеливого и порывистого, но светлого и здравого ума, согретого всем жаром чистого и

страстного сердца и руководимого тем тонким и верным чутьем правды и красоты, которого почти ничем не заменишь⁴. Белинский был именно тем, что мы бы решились назвать центральной натурой; то есть он всеми своими качествами и недостатками стоял близко к центру, к самой сути своего народа, а потому самые его недостатки, как, например, его малый запас познаний, его неусидчивость и неохота к медленным трудам, получали характер как бы необходимости, имели значение историческое⁵. Человек ученый не мог бы быть истинным представителем нашего общества двадцать лет тому назад; он бы не мог быть им даже теперь. Но это не метало Белинскому сделаться одним из руководителей общественного сознания своего времени. Ибо, во-первых, он хотя и не был учен, знал, однако, довольно для того, чтоб

---

⁴ О замечательной способности Белинского увлекать своей живой речью вспоминают многие мемуаристы. «Вы пишете, что Белинский в письмах неизмеримо выше Белинского в печати, – писал Анненков М. М. Стасюлевичу, – но Белинский в разговорах – оратор и трибун – еще выше был и писем своих. Боже! вспоминаю его молниеносные порывы, освещавшие далекие горизонты, его чувство всех болезней своего времени и всех его нелепых проявлений, его энергическое, меткое, лапидарное слово. Ничего подобного я уже не встречал потом, а жил много и видел многих» (сб. «Памяти Белинского», с. 369–370).

⁵ С мнением о «малом запасе познаний» Белинского, высказывавшимся как некоторыми друзьями критика (Тургеневым, Кавелиным), так и его яркими врагами (Погодиным), горячо полемизировал И. А. Гончаров (в «Заметках о личности Белинского» и в особенности в письме к Кавелину – см. с. 548–551, 580–583 наст. книги). Точка зрения Гончарова, еще до появления в печати «Заметок о личности Белинского», была поддержана А. Н. Пыпиным (*Пыпин*, 582–587). См. также вступительную статью к настоящему сборнику (с. 15–16).

иметь право говорить и наставлять других; а во-вторых – он знал именно то, что нужно было знать, и это знание срослось у него с жизнью, как во всякой центральной натуре. Можно быть человеком весьма умным, блестящим и замечательным и находиться в то же время на периферии, на окружности, если можно так выразиться, своего народа... Всякому случалось встречать такие натуры: нельзя не сожалеть об их бесплодности, но удивляться ей нечего. Однако я отвлекаюсь от предмета моего письма.

После первого моего посещения Белинского я виделся с ним несколько раз в продолжение зимы. На Святой я уехал в деревню и уже опять встретился с ним летом на даче Лесного института. Тут мы сошлись с ним окончательно и видались почти каждый день⁶. В то время (публика об этом давно забыла – я по крайней мере льщу себя этой надеждой) я напечатал небольшой рассказ в стихах⁷, который, в силу некоторых, едва заметных, крупиц чего-то похожего на дарование, заслужил одобрение Белинского, всегда готового протянуть руку начинающему и приветствовать все, что хотя немного обещало быть полезным приращением тому, что Белинский любил самой страстной любовью, – русской словесности. Он даже напечатал статью об этом рассказе в «Отече-

---

⁶ В апреле 1843 г. Тургенев действительно ездил в Спасское, однако на даче Лесного института они с Белинским жили не в 1843, а в 1844 г.

⁷ Книжка «Параша». Рассказ в стихах Т.—Л. <то есть Тургенева-Лутовинова> Писано в начале 1843 г. СПб., 1843 – вышла в свет во второй половине апреля 1843 г.

ственных записках»⁸, – статью, – которую я не могу вспомнить не краснея; зато в весьма непродолжительном времени надежды Белинского на мою литературную будущность значительно охладели, и он стал считать меня способным на одну лишь критическую и этнографическую деятельность. Как бы то ни было, но наше сближение летом 1843 года имело результатом продолжительные шестичасовые беседы, в течение которых мы с Белинским касались всех возможных предметов, преимущественно, однако, философских и литературных...

Он занимал одну из тех сбитых из барочных досок и оклеенных грубыми пестрыми обоями клеток, которые в Петербурге называются дачами; состоял при этой даче какой-то неприятный, всем доступный садишко, где растения не могли – да, кажется, и не хотели – дать тени;⁹ сообщения с Петербургом были затруднительны – в ближней лавочке не находилось ничего, кроме дурного чаю и такого же сахару, – словом, удобств никаких! Помнится, Белинский, человек совершенно непрактический в житейском смысле, купил, меж-

---

⁸ Статья Белинского о «Параше» с высокой ее оценкой появилась в майском номере «Отечественных записок» за 1843 г. (*Белинский*, VII, 65–80). Ср. далее, с. 485.

⁹ Об этой «даче» писал Н. Х. Кетчер Герцену: «Виссарион переехал на дачу, то есть в лачугу, полуразвалившуюся, две стороны которой выходят на двор, третья на огород, а четвертая в так называемый садик, в котором к стене приделан парусиновый навес, три сирени, две паршивых березы, лоза и всякая дрянь и сор, а он очень доволен» (*ЛН*, 56, 170). Ср. также описание «дачи» Белинского в воспоминаниях А. Я. Панаевой и А. В. Орловой.

ду прочим, по совету доктора, козу для молока, а у козы за старостью лет молока не оказалось. Но лето стояло чудесное – и мы с Белинским много гуляли по сосновым рощицам, окружающим Лесной институт; запах их был полезен его уже тогда расстроенной груди. Мы садились на сухой и мягкий, усеянный тонкими иглами мох – и тут-то происходили между нами те долгие разговоры, о которых я упомянул выше. Я тогда недавно воротился из Берлина, где занимался философией Гегеля;¹⁰ Белинский расспрашивал меня, слушал, возражал, развивал свои мысли – и все это он делал с какой-то алчной жадностью, с каким-то стремительным домогательством истины. Трудно было иногда следить за ним; человеку хотелось – по человечеству – отдохнуть, но он не знал отдыха – и ты поневоле отвечал и спорил – и нельзя было пенять на это нетерпение: оно вытекало из самых недр взволнованной души. Страстная по преимуществу натура Белинского высказывалась в каждом слове, в каждом движении, в самом его молчании; ум его постоянно и неутомимо работал; но теперь, когда я вспоминаю о наших разговорах, меня более всего поражает тот глубокий здравый смысл, то, ему самому не совсем ясное, но тем более сильное, сознание своего призвания, сознание, которое при всех его безоглядных порывах не позволяло ему отклоняться от единственно полезной в то время деятельности: литературно-критиче-

---

¹⁰ Свои занятия гегелевской философией в Берлинском университете Тургенев закончил в мае 1841 г.

ской, в обширнейшем смысле слова. Критика его не имела тогда (да и после) никакой заранее определенной системы: собственно, теория критики, рассуждения о разных ее родах и т. д. его мало занимали; он и в этом был прямо русский, не отвлеченный человек. Для него литература была одним из самых полных проявлений живых сил народа; он требовал от критика вообще – и от себя – не столько изучения народа и его истории, сколько любви к нему и понимания его, вместе с пониманием художества и поэзии, и полагал, что с этими данными критик имеет право выражать свое мнение. Он чувствовал, что в то время, когда он писал, прямо действовать на общественное сознание было невозможно; разрабатывать массу данных фактов, вносить критический анализ в историю нашей литературы – для этого ему недоставало сведений, а главное, тогда было не до того. Тогда следовало расчистить самый родник, уяснить первоначальные понятия современников о том, что в словесности нашей представлялось как правда и как красота, следовало сказать обо всех ее явлениях искреннее и смелое слово – и Белинский принялся за это дело со всей несокрушимой энергией своей восторженной природы. В этом деле никто не был его учителем, руководителем: из кружка своих московских друзей он вынес почти все свои познания, знакомство с результатами науки; он многим был им обязан, они дали ему в руки орудие, но никто не мог сказать ему, как им действовать, против кого сражаться; он как будто проводил их идеи, исполнял их замыс-

лы, — но ни один из его товарищей-наставников не был в состоянии заменить его, делать *его* дело, потому что он превосходил их всех без исключения силой и тонкостью эстетического понимания, почти непогрешительным вкусом. При его страстном желании быть всегда истинным, при отсутствии в нем всякой мелкой щепетильности, Белинский легко поддавался влиянию людей, которых он уважал и которым верил. В его натуре лежала склонность к преувеличению, или, говоря точнее, к беззаветному и полному высказыванию всего того, что ему казалось справедливым; осторожность, предусмотрительность были ему чужды; стоило только взглянуть на полулисты, которые он посылал в типографию, на эти прямые, как стрелы, строки его быстрого, крупного, своеобразного почерка, почти без помарок, чтобы понять, что это писал человек, который не взвешивал и не рассчитывал свои выраженья. Оттого он часто увлекался и впадал в противоречия с самим собою, на которые враги его указывали потом с злорадным и бесплодным торжеством; оттого он в течение года внезапно начал наполнять свои статьи школьными выражениями немецкой философии, которым он сам почти добродушно радовался; оттого он иногда, читая между строками у авторов вроде Красова, превозносил их за то, что он один прочел, за то, на что они едва намекали¹¹. Но со всем

---

¹¹ Одно время Белинский в самом деле преувеличивал поэтический талант В. И. Красова, поэта круга Станкевича. Он даже ставил его в один ряд с Лермонтовым и Кольцовым (см., например, *Белинский*, IV, 138). Однако такие отзывы о Красове встречаются у Белинского не позже 1841 г., в письме же к Боткину от

тем можно утвердительно сказать, что этот наплыв, что эти набежавшие волны не касались его почвы и что он даже в самых далеких своих «странствованиях» все-таки оставался самим собою, то есть оригинальным и самобытным мыслителем, едва ли не самым замечательным критиком своего времени. С этим, вероятно, согласятся все те, которые внимательно прочтут его недавно собранные и изданные сочинения. Особенно замечательны и интересны были его критические отношения к Пушкину, Гоголю и Лермонтову – этим трем далеко не одинаково даровитым, но полнейшим представителям нашей поэзии. Впрочем, я намерен поговорить об этом с вами во втором моем письме, которое последует вскоре. Но не могу теперь же не рассказать вам один случай, в котором особенно ясно высказался характер Белинского. В первые дни своего пребывания на даче Лесного института его занимал один очень важный религиозный вопрос: поверите ли, что в течение восьми дней, пока он не добился удовлетворительного, по его мнению, разрешения своих сомнений, он был в лихорадке, ни о чем другом говорить не мог, не понимал даже, как можно говорить о чем-нибудь другом, пока вопрос такой важности не разрешен, и упрекал меня в легкомыслии, как только я позволял себе малейшее уклонение. Черта, быть может, забавная, но над которой стоит при-

---

6 февраля 1843 г. он говорит о его стихах совершенно иначе: «Какое страдание, если стишонки Красова и —Θ— <И. П. Ключникова> были фактом жизни и занимали меня, как вопросы о жизни и смерти» (*Белинский*, XII, 129).

задуматься, особенно нам, русским людям, – и особенно теперь!

Примечания

22–23 февраля 1843 года Белинский писал Н. А. Бакунину и его сестрам: «Недавно познакомился я с Тургеневым. Он был так добр, что сам изъявил желание на это знакомство. <...> Кажется, Тургенев хороший человек» (*Белинский*, XII, 139).

Еще в 1835 году семнадцатилетний Тургенев читал статьи Белинского. За границей, куда Тургенев уехал в 1838 году, он сближается с друзьями Белинского – Н. В. Станкевичем, М. А. Бакуниным, А. П. Ефремовым, которые, конечно, рассказывали ему о критике. Об этом, в частности, свидетельствует письмо П. Ф. Заикина к Белинскому от 13 июня 1840 года из Берлина: «В Берлине я нашел много русских и одного, *Тургенева*, прекрасного молодого человека, который жил в Неаполе и видел каждый день Станкевича <...>. Ефремов тоже живет в Неаполе. И Станкевич и Ефремов помнят тебя и по-прежнему расположены, по крайней мере мне так говорил Тургенев, который тоже желает познакомиться с тобою» (*БиК*, 55).

После первой встречи с Тургеневым Белинский «легко сближается» с ним. «Это человек необыкновенно умный, да и вообще хороший человек, – писал он 3 апреля 1843 года В. П. Боткину. – Беседа и споры с ним отводили мне душу. Тяжело быть среди людей, которые или во всем соглашают-

ся с тобою, или если противоречат, то не доказательствами, а чувствами и инстинктом, – и отрадно встретить человека, самобытное и характерное мнение которого, сшибаясь с твоим, извлекает искры» (*Белинский*, XII, 154).

Белинского, уже вступившего в решительную борьбу со славянофилами, привлекал трезвый взгляд Тургенева на «Русь», отрицательное отношение к аксаковскому «идеализму», о котором критик незадолго перед тем с такой резкостью писал в статье о «Сочинениях Державина» («Отечественные записки», 1843, № 2–3; ср. *Белинский*, VI, 588).

Начиная с похвального отзыва о «Параше» в мае 1843 года и до статьи «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский постоянно следил за литературными выступлениями Тургенева и особенно приветствовал «Записки охотника», считая что в этом, жанре Тургенев нашел себя как художник. Под влиянием Белинского, в Зальцбрунне, где вскоре было создано «Письмо к Гоголю», Тургенев пишет рассказ «Бурмистр» – один из сильнейших антикрепостнических рассказов «Записок охотника».

Вероятно, Тургенев был в числе тех немногих лиц, которые уже в 1847 году знали письмо Белинского к Гоголю. Он полностью разделял выраженную в этом письме ненависть к крепостничеству. В начале 1850 года Тургенев хотел напечатать в «Современнике» комедию «Студент», в которой упоминал о своем друге, великом революционере-демократе Белинском. Но комедия была запрещена цензурой и впослед-

ствии переработана, получив название «Месяц в деревне». Лишь в рукописи первой редакции сохранились восторженные слова о Белинском героя комедии, студента-разночинца, готового «отдать за него душу».

В 1856 году Тургенев горячо приветствовал «Очерки го-голевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского, в которых впервые за много лет в полный голос было сказано о Белинском (письмо к Л. Н. Толстому от 16/28 ноября 1856 года. – *Тургенев. Письма*, т. III, с. 43), а в 1857 году живо откликнулся на предложение Некрасова издать в пользу дочери Белинского альманах, для которого собирался написать воспоминания о Белинском (*Тургенев. Письма*. III, с. 155).

Однако издание альманаха не состоялось, и Тургенев смог приступить к осуществлению своего замысла лишь в 1859 году, когда издатель организованной в начале года газеты «Московский вестник» Н. А. Основский просил его о статье (см. Первое собрание писем И. С. Тургенева. СПб., 1884, с. 68). Эта статья, в форме письма Тургенева к Н. А. Основскому под названием «Встреча моя с Белинским», появилась в № 3 (от 23 января) «Московского вестника» за 1860 год. Это было лишь первое письмо из, очевидно, целой серии задуманных. Несмотря на неоднократные просьбы Н. А. Основского¹², Тургенев не продолжил работы над циклом писем о

---

¹² Так 22 августа 1860 г. он писал Тургеневу: «Жду с нетерпением (и все ждут) вторую статью о Белинском» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 149).

Белинском.

В 1868 году, готовя новое издание своих сочинений, Тургенев решил написать для первого его тома «Литературные воспоминания». «Я сижу теперь над Литературными своими воспоминаниями, – писал он Я. П. Поповскому 16/28 декабря 1868 года, – и мысленно переживаю давно прошедшее...» (*Тургенев. Письма*, т. VII, с. 260). Еще до публикации в «Сочинениях» 1869 года Тургенев напечатал вторую часть «Литературных воспоминаний» – «Воспоминания о Белинском» – в журнале «Вестник Европы», 1869, № 4. Посылая рукопись «Воспоминаний о Белинском» Анненкову, он писал: «Вот вам наконец, любезный друг Павел Васильевич, статья о Белинском... Не знаю, как она вышла, но я писал старательно, два раза все переписал и умиление испытывал немалое... Пришли и стали воспоминания» (*Там же*, с. 299).

Очень личный, субъективный тон воспоминаний Тургенева вызвал неодобрение у многих современников. Герцен писал 21 мая 1869 г. сыну, А. А. Герцену, что статья Тургенева о Белинском «из рук вон слаба – дряблость его так и выразилась, когда он взялся описывать сильную и энергическую натуру» (*Герцен*, т. XXX, кн. I, с. 120). Тургенев, вольно или невольно, сделал Белинского орудием литературной борьбы, «участником» злободневной полемики, пытаясь с помощью его авторитета опровергнуть некоторые политические и литературные тезисы революционной демократии шестидесятых годов. См. также далее прим. 18 к с. 493.

С недоумением была встречена и публикация в воспоминаниях фрагментов из писем Белинского. «Неизвестно, зачем он и письма припечатал, разве только чтоб досадить Некрасову. Все это какие-то необъяснимые отрывки...» (письмо Б. Н. Чичерина А. В. Станкевичу от 27 апреля 1869 г. – Отдел писем. источников Гос. ист. музея. Ф. 351, ед. хр. 70, л. 1).

В «Воспоминаниях о Белинском» действительно оказалась возникшая с годами неприязнь Тургенева к Некрасову, которая заставила дать несправедливую, опирающуюся на тенденциозно подобранные отрывки из писем Белинского, трактовку роли Некрасова в период организации «Современника». Некрасов, не выступивший в печати, хотел сразу же по прочтении воспоминаний Тургенева дать объяснение в форме письма к М. Е. Салтыкову (сохранилось четыре черновых редакции письма; см. *Некрасов*, XI, 130–137).

Несомненно, однако, что образ Белинского нарисован Тургеньевым с большой любовью и «умилением». Справедлив и глубок выдвинутый писателем тезис о Белинском как «центральной натуре» (подробный комментарий см.: *Тургенев*, Соч., т. XIV, с. 435–449, 510–513).